

О ТОЧНОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

Л. А. Борисова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 марта 2018 г.

Аннотация: в статье рассматривается содержание требования точности перевода применительно к юридическим текстам. На примере перевода отрывка из британского закона автором рассматривается вопрос точности передачи отдельных элементов текста, а именно: терминов, синтаксических связей, отсылочных выражений, культурно маркированных смысловых составляющих, специальной лексики. Подчеркивается важность поисковых и аналитических умений переводчика. Анализируются ошибки, допущенные в студенческих переводах, их возможные причины и последствия. Делается вывод о приоритетности обеспечения точности перевода определенных элементов в зависимости от переводческого задания.

Ключевые слова: юридический перевод, точность перевода, законодательный текст, переводческие ошибки.

Abstract: the paper raises the issue of accuracy of legal translation. Analyzing students' translations of an extract from a British statute the author considers the relevance of accurate translation of such elements of the text as terms, syntax, reference phrases, culture specific composition elements and formal words. The importance of translator's research and analytical skills is emphasized. The paper also analyzes some translation mistakes, their causes and potential consequences. It is concluded that priority should be given to certain elements to provide accurate translation, which depends on the translation brief.

Key words: legal translation, translation accuracy, legislative text, statute, translation mistakes.

Юридический перевод принято считать одним из сложных видов перевода, который требует от переводчика высокого профессионализма, предельной внимательности, знания правовой системы страны ИЯ и страны ПЯ и других качеств. Специфика юридического перевода обусловлена, среди прочего, особенностями языка права. Как отмечают Н. Л. Варшамова и Е. В. Яшина, «юридические тексты в силу своего предназначения должны быть точными и достоверными; они предписывают определенную форму действий и формулируют принципы разрешения спорных ситуаций, вырабатывают правила социального поведения в обществе» [1, с. 51]. Требование точности юридического перевода заявлено на сайтах всех бюро переводов, специализирующихся в данной области. О требовании точности пишут также исследователи-лингвисты. «Точность и ясность являются теми требованиями, которые должны стоять даже выше соблюдения стилистических норм, особенно если речь идет о переводе таких документов, как приговор, который должен быть приведен в исполнение в другой стране. Здесь точность является важнейшим требованием» [2, с. 18]. «Правильность и точность трактовок... является главным требованием к переводу юридических документов» [3, с. 132].

Представляется уместным прояснить содержание понятия «точность перевода». В «Толковом переводческом словаре» находим следующую дефиницию: «Точность перевода – 1. Тожество информации, сообщаемой на разных языках; мера точности меняется в зависимости от цели перевода, характера переводимого текста и читателя, которому текст предназначен. 2. Показатель качества перевода, характеризующий полноту передачи всех мыслей подлинника (с сохранением нюансов и оттенков высказывания) и правильность всех приводимых в подлиннике сведений» [4, с. 226].

Как видно из определения, точность, в первую очередь, подразумевает соответствие содержания текста перевода содержанию текста оригинала, отсутствие в переводе фактических искажений. Однако точность при переводе обеспечивается и сохранением «нюансов и оттенков» [4], т. е. специфических особенностей, которые могут быть присущи тексту оригинала в силу, например, его жанровой принадлежности или авторского стиля.

Нами было проведено исследование с целью выяснить, какие элементы юридического текста, а именно законодательного, должны быть максимально точно переданы при переводе. Сопутствующими задачами явилось выявление возможных причин переводческих ошибок и потенциальных последствий

нарушений переводчиком точности. Материалом исследования послужили студенческие переводы отрывка из британского закона «Cultural Property (Armed Conflicts) Act 2017».

Точность самого юридического текста обеспечивается использованием терминологии. В этой связи точный перевод юридической терминологии является важным показателем качественного юридического перевода. Он возможен благодаря умению пользоваться словарями, справочниками, энциклопедиями и т. п., наличию фоновых знаний по тематике текста, а главное – умению критически осмысливать имеющуюся информацию и делать из нее соответствующие выводы.

Приведем интересный пример из анализируемого текста:

In this Part “UK national” means –

*(a) a **British citizen**, a **British overseas territories citizen**, a **British National (Overseas)** or a **British Overseas Citizen**,*

*(b) a person who under the British Nationality Act 1981 is a **British subject**,*

*(c) a **British protected person** within the meaning of that Act...*

В данном отрывке содержится семь терминов, описывающих разный статус лица с позиции гражданства. Чтобы разобраться в различиях между ними, необходимо выйти на официальный сайт, содержащий информацию о деятельности британского правительства и госуслугах www.gov.uk/types-of-british-nationality. Дальнейший поиск сведений про британское гражданство на русском языке позволит найти как системное изложение в Википедии, так и многочисленные сайты компаний, предлагающих услугу по получению такового. Переводчику остается лишь внимательно сопоставить предложенные описания и выстроить систему переводных эквивалентов, которых в итоге обязательно должно быть семь, причем различных по форме: *UK national* – гражданин Соединенного Королевства, *British citizen* – британский гражданин, *British overseas territories citizen* – гражданин Британских заморских территорий, *British National (Overseas)* – британский гражданин (за границей), *British Overseas Citizen* – британский гражданин (заморские страны), *British subject* – британский подданный, *British protected person* – персона под британской протекцией. Основная проблема студентов при переводе данного отрывка заключалась в недостаточном информационном поиске, в результате чего в подпункте (а) в итоге перечислялись три категории лиц вместо четырех либо же родовой термин *UK national* совпадал по форме с видовыми *British citizen* или *British subject*.

Нарушение точности также имело место при переводе студентами термина *service law*. Многие

предложили эквивалент «военное право», однако сопоставление словарных дефиниций *service law* и *военное право* говорит о том, что объем понятий, выражаемых этими терминами, различен. Сравним: «*service law* – specialized code of criminal law that regulates the conduct of members of the armed forces, *военное право* – совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения в области строительства Вооруженных Сил РФ, жизни, быта и деятельности войск» [5]. Точность перевода термина *service law* обеспечил бы эквивалент «военно-уголовное право», тогда как «военное право» по-английски – «*military law*».

Как отмечалось в начале статьи, точность при переводе юридических текстов означает идентичность содержания текста оригинала и текста перевода, т. е. совпадение в них фактической информации. В следующем примере расхождение содержания очевидно (стилистическое оформление в данном случае не рассматривается):

It does not matter whether the act is done in the United Kingdom or elsewhere. – Где принят данный нормативно-правовой акт – в Великобритании или где-либо еще – не имеет значения.

Смеем предположить, что фактическая ошибка возникла вследствие неверной интерпретации слова *act*. По всей видимости, студенты сочли, что в приведенном контексте оно используется в том же значении, что и в заголовке. Это подтверждается и еще одним примером: *...the property to which the act relates is cultural property – ...ценности, к которым ссылается данный нормативно-правовой акт, являются культурными ценностями*. Однако однозначность толкования слова *act* в обоих случаях обеспечивается в оригинале не только контекстом (узким и широким) и комбинаторикой этой лексической единицы, но и написанием слова со строчной буквы, а не с прописной. Как видим, невнимательность переводчика привела к фактическому искажению информации. Подобная ошибка в реальной практике, а не в ситуации учебного перевода может иметь далеко идущие последствия. Представим, что заказчиком является ученый-юрист, занимающийся сравнительным правоведением, который сообщит читателю своих работ недостоверную информацию, или же заказанный перевод используется в судебной практике, где от его точности зависит если не жизнь, то уж точно свобода человека. Последняя мысль становится особенно актуальной, если учесть, что нам встретился такой студенческий перевод уже упомянутого выше предложения: *It does not matter whether the act is done in the United Kingdom or elsewhere – Наказание за нарушение Второго Протокола применимо как в Великобритании, так и за ее пределами*.

Искажение фактической информации может возникнуть вследствие неверной передачи синтаксических связей, а скорее невнимательности к ним. В тексте оригинала предельно конкретно перечисляются признаки, при которых действия лица квалифицируются как нарушения Второго Протокола. Таких признаков должно быть три:

(a) *the person does an intentional act of a kind described in any of subparagraphs (a) to (e) of paragraph 1 of Article 15 of the Second Protocol,*

(b) *the act is a violation of the Convention or the Second Protocol, and*

(c) *the person knows that the property to which the act relates is cultural property.*

Союз *and* используется для придания подпунктам кумулятивного характера и однозначно свидетельствует об отношениях включенности всего перечня признаков в характеристику объекта, в данном случае деяния. Если в переводе эквивалентом *and* становится союз *и* (именно такой вариант нам встретился в студенческой работе), смысловые связи нарушаются, и мы говорим об отношениях альтернативности, т. е. деяние признается правонарушением при наличии одного (любого) из признаков. Нельзя не признать, что в ситуации судебного процесса количество признаков, которые необходимо доказать стороне обвинения, играет весьма важную роль. Невнимательность, небрежность, допущенная переводчиком, может иметь серьезные последствия.

Нами был замечен еще один случай невнимательности переводчика при работе с тем же самым контекстом. В подпункте (a) речь идет об *intentional act*, т. е., вне всякого сомнения, преднамеренном действии. Поэтому встретившийся нам перевод «действие международного характера» сначала привел в замешательство как имеющий совершенно отличное от оригинала значение, однако затем мы предположили, что ошибка возникла исключительно из-за невнимательного прочтения переводчиком оригинала, и вместо *intentional* он увидел *international*. Наши предположения позднее подтвердились. Опять же, в ситуации реальной жизни, использования текста перевода в суде такая ошибка по невнимательности и небрежности юридическому переводчику непростительна.

В исследуемом законодательном тексте встречаются названия международных документов, имеющих официальный перевод на русский язык. Для обеспечения точности их передачи переводчику достаточно осуществить грамотный информационный поиск. Тогда *Convention for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict* должна в переводе звучать не иначе как «Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта», а *Protocol to the Convention and the Second Protocol*

to the Convention – как «Протокол к Конвенции» и «Второй Протокол к Конвенции». Количество ошибок, допущенных в данном случае студентами, было минимальным, однако мы склонны объяснить это не столько сформированностью поисковой компетенции, сколько прозрачностью формы и значений используемых лексических единиц и устоявшимися переводными эквивалентами. На эту мысль нас наводят некоторые предложенные студентами варианты: «Соглашение о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» и «Соглашение о защите объектов культурного наследия в случае вооруженного конфликта». Во-первых, как видим, в этих примерах слово *Convention* переведено как «соглашение». Данный вариант возможен, так как конвенция является разновидностью международного договора (*treaty*), означает «an agreement between states» (соглашение между государствами), и многими словарями зафиксированы такие переводные эквиваленты, как «соглашение, договоренность, договор, конвенция». Однако, как уже отмечалось выше, существует официальный перевод данного документа, в котором в названии использовано слово «конвенция». Во-вторых, сочетание «объекты культурного наследия» можно признать удачным переводческим решением по форме. Такой термин действительно зафиксирован, возможно, на чей-то субъективный взгляд внешне он кажется более привлекательным, чем «культурные ценности», однако он не обеспечивает точность перевода заголовка упомянутой Конвенции. Под «*cultural property*» в Конвенции понимается «**movable or immovable** property of great importance to the cultural heritage of every people» [6], т. е. ценности **движимые и недвижимые**, тогда как к объектам культурного наследия относятся «объекты **недвижимого** имущества» [7]. Таким образом, речь идет о двух разных терминах, для каждого из которых есть свой эквивалент: *cultural property* – культурные ценности; объект культурного наследия – *cultural heritage site*. Кроме того, как и в случае с вариантом «соглашение», не теряет актуальности аргумент о наличии официального варианта перевода.

Высказанное нами выше предположение о том, что в большинстве своем правильный перевод студентами названия международного документа объясняется скорее прозрачностью формы и значений единиц, нежели поисковой компетенцией, подкрепляется наблюдениями над вариантами перевода документа *The Regulations for the Execution of the Convention – Исполнительный Регламент Конвенции* (в официальном переводе ООН). Только одним студентом был дан именно такой вариант, что говорит о грамотном поиске необходимой информации для обеспечения точности юридического перевода. В остальных же тринадцати случаях палитра студенче-

ских переводческих решений была весьма пестрой. Для Regulations многие выбрали «Положение / Положение», а далее – «о приведении в действие Конвенции / о соблюдении Конвенции / о выполнении условий Конвенции / об осуществлении Конвенции / регулирующие выполнение требований Конвенции». В этом ряду попутно отметим ошибку лексической сочетаемости во фразе «осуществление Конвенции». Некоторые предложили назвать документ «Порядок применения положений Конвенции», отдельные студенты назвали его «Нормативные Акты, позволяющие обеспечивать выполнение Конвенции». Последний вариант не только явно уступает всем предыдущим по форме (обычно причастный оборот не используется в формулировках заголовка официальных документов), но и нарушает фактическую точность: создается впечатление, что количественно нормативных актов несколько, тогда как на самом деле речь идет исключительно об одном документе, регламентирующем исполнение Конвенции.

Точность должна обеспечиваться не только при передаче названий международных документов, но и при их цитировании или ссылке на них. В исследуемом тексте есть отсылка к определенной структурной единице «Второго Протокола к Конвенции»: *described in any of subparagraphs (a) to (e) of paragraph 1 of Article 15 of the Second Protocol*. Переводчику следует свериться с официальным переводом Второго Протокола на русский язык и убедиться, что речь идет о *подпунктах* (а) – (е) *пункта 1 статьи* 15, а никак не о подпунктах а), б), в), г), д) *параграфа* 1.

Более того, грамотный поиск также снимает проблему точного перевода термина *serious violation* (*of Second Protocol*). Многими студентами был предложен вариант «грубые нарушения», на первый взгляд, подходящий, если не задумываться над тем, что в юридическом английском есть еще термин *gross violations*. Однако обращение к официальному переводу однозначно свидетельствует в пользу эквивалента «серьезные нарушения». Несмотря на то, что по форме он больше напоминает кальку (возможно, по этой причине многие студенты и отказались от него), его общепринятость в международном праве является более весомым аргументом при принятии переводчиком решения.

В законодательном тексте содержатся элементы, являющиеся маркерами иноязычной культуры.

Культурную маркированность имеет заголовок британского статута. В отличие от заголовков российских законов, которые традиционно начинаются с предлога «о», например «Об образовании в Российской Федерации», в британском тексте слово *Act* (закон/Акт) входит в состав заголовка, также как и год принятия статута. В результате заголовок «Cultural Property (Armed Conflicts) Act 2017» в переводе дол-

жен выглядеть как «Закон о защите культурных ценностей (в случае вооруженных конфликтов) 2017 г.» Именно такой вид максимально точно отражает особенность британской законодательной техники. Безусловно, не является смысловой ошибкой формулировка заголовка, построенная по образу и подобию российской практики, т. е. Закон (от) 2017 года «О защите культурных ценностей (в случае вооруженных конфликтов)», однако в этом случае теряется культурная специфика. Такой перевод вполне приемлем в ситуации, когда заказчику требуется исключительно содержательная сторона закона. Если же заказчика интересует законодательная техника Великобритании, то точность ее отражения нарушается. Тем более странной представляется формулировка «Защита культурных ценностей (в случае вооруженных конфликтов). Закон (Акт) 2017 (года)», которая говорит, как нам кажется, во-первых, о том, что студенты не знакомы с практикой формулирования заголовка законодательных текстов ни на иностранном, ни на родном языке, а во-вторых, о недостаточной языковой и переводческой компетенции, т. е. неумении видеть характерную для английского языка атрибутивную группу и применять соответствующие трансформации при ее переводе.

Культурную маркированность имеют также смысловые составляющие. Знание их функции, традиции использования и содержания позволяет обеспечить точность передачи культурной составляющей закона, а также обеспечить фактическую точность.

Приведем пример: *The text of those instruments is set out in Schedules 1 to 4*.

В предложении упоминается *Schedule*. Привычные варианты «график/расписание/план» в этом контексте совершенно не подходят. Словарная статья юридического словаря расшифровывает *schedule* как «an appendix to an Act of Parliament or other legislation that deals with points of detail supplementary to the main part» [8]. Речь идет о приложении, причем не в привычном для нас понимании чего-то дополнительного, факультативного, а как о логическом продолжении определенной статьи закона. Вынесение положений статьи в отдельное приложение – одна из норм законодательной техники в Великобритании. Как отмечает Ф. Беннион, выделение материала в отдельное приложение является исключительно решением автора текста закона. Он может счесть более удобным выделение деталей в отдельное приложение либо включение их в текст статьи. В этой связи нельзя рассматривать приложения как имеющие второстепенное значение по отношению к статьям закона [9, с. 122].

Таким образом, в переводе необходимо написать «Текст вышеуказанных документов содержится в Приложениях 1–4».

Такие переводческие решения для *schedule*, как «таблица», «пункт», «дополнение», не соответствуют ни формальной (внешней) стороне текста, ни его структуре, а значит, не обеспечивают должной точности изложения и отсылки.

Интересно отметить, что в вышеуказанном контексте нарушение точности возникло также вследствие выбора неверного эквивалента для фразы «*The text of those instruments*». Предложенное в ряде случаев решение «**Содержание** этих документов подробно изложено в Приложениях 1–4» позволяет истолковать смысл пункта как указание на то, что в приложениях читатель найдет краткое изложение сути Конвенции и связанных с ней документов. А это фактически неверно, так как просмотр приложений однозначно свидетельствует о том, что в них приводится полный текст всех документов.

В законодательном тексте часто встречаются отсылки либо к структурным единицам того же текста, либо к иным нормативно-правовым актам. Переводчику следует обеспечить точность при передаче такой отсылки. Как и в случае с читателем оригинала, читатель перевода должен в итоге правильно сориентироваться в тексте и найти искомую информацию. Иногда неточное синтаксическое оформление в языке перевода затуманивает смысл переводимой нормы.

Возьмем следующий пример: *In this Act “cultural property” has the meaning given in article 1 of the Convention*. Для понимания значения термина «культурные ценности» автор закона отсылает читателя к статье 1 «Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта». Возможный вариант перевода: *В настоящем Законе термин «культурные ценности» имеет значение, указанное в статье 1 Конвенции*. О какой конвенции идет речь, читателю ясно из предыдущего пункта закона, в котором перечисляются относящиеся к данному закону международные договоры.

В переводческом решении «*В настоящем Законе значение выражения «культурные ценности» изложено в статье 1 Конвенции*» страдает синтаксическое оформление, так как не до конца ясно, где же изложено значение выражения: в читаемом законе или все-таки в Конвенции. Схожая картина, среди прочего, наблюдается в варианте «*В данном Законе определение термина «защита культурных ценностей» находится в статье 1 нынешней Конвенции*». Из него также непонятно, какой документ имеется в виду под «нынешней Конвенцией», и даже если умный читатель догадается, про какую конвенцию идет речь, он не найдет в статье 1 определение термина «*защита культурных ценностей*». Неудачное синтаксическое оформление вкупе с неверным переводом термина и стилистическими погрешностями нарушают точность отсылки в русском переводе.

Использование автором закона указательных местоимений *this* и *that* в оригинале обеспечивает однозначность отсылки. Сочетание *this Act* означает исключительно тот закон, с которым сейчас знакомится читатель, а значит, в переводе это «*настоящий Закон*» (т. е. данный, этот), тогда как *that Act* отсылает к закону, который ранее упоминался в тексте, например:

...*(b) a person who under the British Nationality Act 1981 is a British subject,*

(c) a British protected person within the meaning of that Act...

или

...*(a) a person subject to service law within the meaning of the Armed Forces Act 2006, or*

(b) a civilian subject to service discipline within the meaning of that Act.

Поэтому в переводе эквивалентами *that Act* должны стать «указанный / вышеупомянутый закон» или повтор названия закона. Если же переводчик не различает *this* и *that* и переводит их одинаковым образом, в частности «*настоящий/данный/этот*», как сделали некоторые студенты, то точность отсылки нарушается, и читатель никогда не найдет в читаемом тексте определения искомым терминов.

Наконец, при переводе юридических текстов можно говорить и о стилистической точности. С точки зрения официально-делового стиля, переводным эквивалентом уже упоминавшегося выше *this* будет «*настоящий*», а не «*этот*»; *person* – «*лицо*», а не «человек»; *to which the act relates* – «*в отношении которых совершено действие*», а не «*фигурирующие в его поступке*»; *elsewhere* – «*в другой стране*», а не «*где-либо еще*» и др. Даже капитализация слов «*Закон*», «*Конвенция*», «*Второй Протокол*» и т. п., и наоборот, отсутствие таковой при написании, например, слова «*настоящий*» говорят о точности при передаче стилистики текста оригинала и следовании жанровым конвенциям.

Подведем итог вышеизложенному. Законодательный текст состоит из совокупности элементов, на которые переводчику стоит обратить особое внимание для обеспечения точности перевода. К их числу относятся юридические термины, сложные синтаксические конструкции, названия иных нормативно-правовых документов, ссылки на них и цитаты из них, культурно маркированные элементы, отсылочные выражения, лексика, относящаяся к официально-деловому стилю. При переводе законодательных текстов необходимо, безусловно, обеспечить точность передачи фактической информации оригинала, которая, в свою очередь, складывается из верно подобранных переводных эквивалентов юридических терминов и правильной интерпретации синтаксиса. Погрешности при передаче других

элементов менее существенны с точки зрения сохранения точности, если только они не влекут за собой искажения содержания оригинала. Кроме того, обеспечению точности юридического перевода способствует грамотное оформление мысли на ПЯ. Иногда правильно понятая синтаксическая конструкция или отсылка могут быть столь неудачно сформулированы переводчиком на родном языке, что вызывают двусмысленность при толковании. Однако не стоит забывать и о ситуации перевода, о переводческом задании. То, что важно и должно быть предельно точно передано для ученого-юриста, занимающегося сравнительным правоведением, менее приоритетно для предпринимателя, ведущего бизнес за рубежом, или суда, толкующего правовые нормы и выносящего приговор.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Варшамова Н. Л.* Перевод юридического текста : проблемы межкультурной профессиональной коммуникации / Н. Л. Варшамова, Е. В. Яшина // Научные дискуссии. – 2015. – Т. 6. – С. 49–53.
2. *Тарасова Н. А.* Несколько слов о переводе юридических текстов / Н. А. Тарасова, О. А. Крапивкина // Молодежный вестник ИРГТУ. – 2013. – № 3. – С. 18.
3. *Мартынова Н. А.* К вопросу о переводе юридических текстов / Н. А. Мартынова, С. Н. Стручков, О. С. Тимченко // Евразийский союз ученых. – 2015. – № 5-5 (14). – С. 132–133.
4. *Нелюбин Л. Л.* Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – 3-е изд., перераб. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 320 с.
5. Словари и энциклопедии на Академике. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/13722>
6. Convention for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict. – Mode of access: http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=13637&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html
7. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации : федер. закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ (в ред. от 29.12.2017). – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/
8. ABBYY Lingvo x5. Электронный словарь.
9. *Bennion F.* Bennion on statute law / Francis Bennion. – Longman, 1990. – xl + 373 p.

*Воронежский государственный университет
Борисова Л. А., кандидат филологических наук,
заведующая кафедрой теории перевода и межкультур-
ной коммуникации
E-mail: borisova_la@rgph.vsu.ru
Тел.: 8 (473) 222-73-62*

*Voronezh State University
Borisova L. A., Candidate of Philology, Head of the
Translatology and Intercultural Communication Department
E-mail: borisova_la@rgph.vsu.ru
Tel.: 8 (473) 222-73-62*